

РЕЧЕВОЕ ВОВЛЕЧЕНИЕ В ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РАДИКАЛЬНОГО СООБЩЕСТВА: КРИТИЧЕСКОЕ ДИСКУРСИВНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ПРЕЦЕДЕНТНОСТИ

Статья выполнена в рамках гранта РФФИ № 17-29-09170 «Исследование психофизиологических и психолингвистических особенностей восприятия и декодирования поликодовых текстов экстремистской направленности».

Обосновывается критический подход к исследованию речевого вовлечения в деятельность радикальной организации. На примере явления прецедентности как средства контроля над социумом показывается зависимость использования языковых средств от особенностей контекста, стадии инклюзивного воздействия и формы вовлекающей интеракции. Выявлено, что за переосмыслением терминологии традиционного ислама стоит скрытое намерение сформировать у аудитории идеологически окрашенное представление о религии.

Ключевые слова: критические дискурсивные исследования; речевое вовлечение; экстремизм; прецедентные феномены; реконтекстуализация.

Введение. Статья основана на исследовании, проведенном ранее [1] и переосмысленном в свете последующей разработки теории прецедентности и тех перспектив, которые открывает критический дискурсивный анализ для ее изучения.

Данная работа продолжает линию критического осмысления проблем, связанных с рассмотрением дискурса как средства навязывания притязаний на власть, и посвящена изучению отдельной дискурсивной практики, в которой религия начинает использоваться для внедрения в общество радикальных идей. Именно в этом плане показательна деятельность организации «Хизб ут-Тахрир аль-Ислами», которая, по мнению политолога З. Баран, «играет решающую роль в формировании мусульман, исповедующих радикальную идеологию» [2. С. 68]. По способу культивирования идеологии «Хизб ут-Тахрир аль-Ислами» представляет собой группу инклюзивного типа, т.е. такое сообщество, которое, если пользоваться определением М. Олсона, преследует какую-либо цель за счет расширения самой группы [3. С. 34]. Целью рассматриваемой организации выступает возрождение халифата, однако, будучи транснациональной, она вынуждена учитывать свое положение в тех государствах, на территории которых ведет деятельность по распространению политически и идеологически окрашенного ислама. В настоящем исследовании деятельность «Хизб ут-Тахрир аль-Ислами» описывается с учетом ее правового статуса на территории Российской Федерации, где функционирование организации запрещено решением Верховного суда РФ от 14 февраля 2003 г. Этот фактор является, по нашему мнению, решающим при выборе стратегии ее самопродвижения в обществе, а также определяет то особое значение, которое имеет процесс вовлечения для жизнеспособности изучаемой группы.

В данной статье представлен критический анализ вовлечения как такой практики нелегальной группы, которая тесно связана с вербовкой и сплочением аудитории на основе налаживания с ней религиозно-политической интеракции. Критический анализ дискурса вовлечения акцентирует внимание на стратегическом характере тех коммуникативно-семиотических механизмов, которые обеспечивают задачу постепенного вхождения индивида в ряды нелегальной орга-

низации. В этом плане переосмысление религиозной терминологии ислама выступает одним из факторов, влияющих на формирование последователей радикальной доктрины. В общем случае такое переосмысление рассматривается как «сопровожаемое трансформацией перемещение какого-либо элемента из одного... дискурса... в другой» [4. С. 154], что в англоязычной лингвистической традиции обозначается термином «реконтекстуализация», а в отечественном языкознании рассматривается в связи с изучением феномена прецедентности как определенного свойства исходного знака и результата его вторичной деривации, причем свойство прецедентности описывает факт ассоциирования знака с неким социальным, культурным, семиотическим и другим явлением, имевшем место ранее и широко известным его носителям [5. С. 118; 6. С. 216]. В рамках данной статьи мы имеем дело с процессом модификации прецедентного термина при его переходе из одной социальной практики в другую, что приводит к обновлению его системных свойств. Социальный характер переосмысления прецедентного феномена подчеркивается в ряде работ (см., например: [7–9]), что позволяет рассматривать ситуацию переозначивания не как нейтральный процесс текстопорождения, а как «акт контроля» [10. С. 76]. Иными словами, трансформация прецедентного феномена относится к решению субъекта, наделенного некоторой властью, присваивать элементы другой дискурсивной практики, пересматривать их, придавать переосмысленному статус легитимности [11. С. 26], наделять собственную репрезентацию таким значением, которое впоследствии становится всеобщим, разделяемым всеми членами сообщества [12. С. 501], ориентиром для упорядочения деятельности, а также для выбора цели и стратегии ее осуществления [8. С. 248; 13. С. 43].

Характеристика базы данных. Данные для исследования взяты из корпуса устных бесед членов «Хизб ут-Тахрир аль-Ислами». Корпус формировался из дискурсов, собранных в 2012–2016 гг. на территории Республики Башкортостан на этапе досудебного расследования случаев вовлечения в деятельность названной террористической организации. Все беседы ведутся на русском языке. Для передачи религиозно-политической доктрины организации используются,

как правило, заимствования из арабского языка (арабизмы) типа *дагват*, *зиярат*, *дарис*, *муширф* и т.д. Во многих случаях фонетическая форма арабизмов является диффузной, например, *зиярат* || *зиарат* || *дзиярат* || *джарат* || *джейрат*; *дагват* || *дагават* || *давват* и т.д., что обусловлено, по-видимому, устной традицией общения между членами организации и вовлекаемыми лицами, их недостаточным уровнем владения арабским языком, а также фактором употребления в иной языковой среде, испытывающей, в свою очередь, влияние со стороны нескольких языков – прежде всего, русского, башкирского и татарского.

В корпус включено 30 записей устных бесед общей продолжительностью 60 ч 37 мин и объемом в 267 341 словоупотребление. В ходе работы было выявлено 136 вхождений исследуемой единицы *зиярат* и вариантов ее огласовки в корпус устных бесед (*зиярат* – 97 вхождений, *джарат* – 19, *зиарат* – 16, *джейрат* – 3, *дзиярат* – 1). Сам корпус разбивается на три подкорпуса, которые отражают различные интерактивные формы вовлечения: подкорпус *халакатов* – дискурсов, производимых на обучающих мероприятиях (*халакат* ‘кружок, обучающее мероприятие’), подкорпус *амали* – дискурсов, реализующихся в рамках свободных по форме организационно-обучающих мероприятий, допускающих прием пищи, распитие чая (*амали* ‘братская беседа между участниками кружка’), подкорпус *разное*, состоящий из коллекции разнородных дискурсов, объединенных наличием инструктирующих, разъяснительных, убеждающих, отчетно-обобщающих пассажей и характеризующихся либо невозможностью установить жанровую природу исследуемого фрагмента, либо однократностью появления жанра, представляемого изучаемыми диалогом или полилогом.

Необходимость выделения подкорпусов определяется системной природой вовлечения, детерминирующей употребление языковых средств формой и содержанием интеракции, ее местом и ролью в инклюзивном воздействии, которое расценивается не только как процесс модификации сознания, но и как элемент региональной стратегии, значимой для достижения политической цели организации. Так, установка на расширение и консолидацию сообщества предполагает прохождение таких стадий вовлечения, как «совместное совершение деятельности», «выход на более широкую аудиторию». В дальнейшем обобщения оценочно-аналитического характера выводятся относительно подкорпусов, включающих однородные в жанровом отношении дискурсы (преимущественно по отношению к подкорпусу *халакаты*). Такое ограничение вызвано задачей проследить зависимость использования реконтекстуализованного элемента от формы интеракции, стадии вовлечения и социокоммуникативной ситуации в целом.

Критерии и принципы критического исследования. Современный этап развития дискурсивных исследований характеризуется возрастающей ролью критической методологии в изучении многочисленных коммуникативных практик. При этом само атрибутивное понятие «критический» следует рассматривать в качестве номинального, имеющего предписательный характер, который зависит от исследователь-

ских интересов ряда школ, течений и проектных коллективов.

Так, в одной из первых версий критической герменевтики дискурса – в риторической критике – методология оценивания обеспечивается целым набором критериев, связанных с персуазивными характеристиками коммуникативных артефактов, такими как эффективность, эффектность, этичность, эстетичность речи и т.д. (см., например: [14]).

Продолжение истории критических исследований коммуникации тесно связано с освоением проблематики общественных наук, что предопределяет рассмотрение дискурса в качестве сугубо социального феномена, через который реализуются аспекты неравенства, неравноправия, злоупотребления материальными и нематериальными ресурсами и т.п. (см., например: [15]) или же осуществляется обсуждение и пересмотр социальных, политических, религиозных и других понятий (см., например: [16]). Список критериев, обеспечивающих соответствие исследований статусу критических, также претерпевает определенные изменения, затрагивающие оценку дискурса с точки зрения интересов подчиненных социальных групп [17. С. 24].

Если критические дискурсивные исследования предполагают рассмотрение феномена реализации власти в условиях социальной асимметрии, то исследования в рамках критического жанрового анализа служат прояснению дискурсивных практик и действий, совершаемых в условиях институциональных контекстов: «Критический жанровый анализ – это метод “демистификации” профессиональной практики посредством разбора жанра» [18. С. 18]. Критический статус данных исследований определяется их соответствием установке на уменьшение зазора между умозрительным видением жанров и реальным их функционированием.

В данной работе критический характер исследования сводится к констатации вовлечения как социального феномена, связанного с незаконным использованием власти. По этой причине актуальная трактовка критического аспекта в описании коммуникации удовлетворяет прежде всего критерию наличия нелегальной группы как очага доминирующего дискурса. Кроме того, нелегальный статус группы влияет на характер прозелитической активности ее членов. Поэтому назначение критического подхода к описанию коммуникации видится еще и в перспективе разбора тех форм, через которые воплощаются программные установки радикального сообщества, ведущего свою работу вопреки наложенному на нее официальному запрету.

С учетом обобщаемой дискурсивной практики вовлечения сформулируем следующие методологические принципы исследования:

1) принцип фокусировки на социальных проблемах, таких как злоупотребление религиозной доктриной ислама, расширение сферы влияния нелегальной идеологии, радикализация общества и т.д.;

2) принцип объяснения языковых и дискурсивных форм с позиции социальной и когнитивной детерминант;

3) принцип аналитической оценки вовлечения с точки зрения критериев легальности, социального доминирования, соотносительности с определенным институциональным контекстом.

Вовлечение как аналитическая категория лингвистики. Несмотря на то, что тема вовлечения – одна из магистральных для классической риторики как искусства публичного воздействия и взаимодействия, сам термин «вовлечение» в качестве аналитической категории, посредством и в аспекте которой изучаются отдельные коммуникативные процессы, состояния и явления, вошел в активный научный оборот в начале 80-х гг. XX в. благодаря исследованиям в области интеракционной социолингвистики и дискурс-анализа. Кроме того, термином «вовлечение» успешно пользуются в ряде гуманитарных и общественных наук (в юриспруденции, экономике, политологии, социологии, психологии, педагогике, философии). Существенным представляется также то, что категория вовлечения может выступать как отдельный элемент стратегии социального агента, например носителя политической, религиозной, экономической идеологии. Такое разнообразие эпистемических контекстов делает искомое понятие ситуативно варибельным.

Так, в лингвистике получил развитие ряд направлений исследования вовлечения. Интеракционная социолингвистика соотносит понятие вовлечения с готовностью и способностью субъектов принимать активное участие во взаимодействии на основе общих, разделяемых языковых и социокультурных знаний и имеет дело с наблюдаемым состоянием нахождения в интеракции, отличным от простого совместного присутствия [19]. В дискурс-анализе вовлечение – это один из функционально-языковых параметров, характеризующий такой семиотически маркированный тип участия в коммуникативном событии, который предполагает по преимуществу наличие между собеседниками непосредственного контакта во времени и пространстве [20, 21], некоей связи, достигаемой людьми в общении и соединяющей их с событиями и обстоятельствами [22]. В этнографии речи вовлечение как тип эмоциональной связи рассматривается прежде всего через национально и социально маркированные формы взаимодействия [23]. Становление критического подхода приводит к исследованию вовлечения как несимметричного процесса, осуществляемого в дискурсивных формах членами ин- групп как по отношению к самим себе, так и по отношению к членам аут-групп. В таком процессе сторона-инициатор формирует и приводит в действие готовность участников интеракции к совершению согласованных поступков, актуализуя у них состояние сопричастности, сопереживания, симпатии, необходимого соблюдения принимаемых социальных обязательств и интеракционных конвенций, разделение ответственности с группой и т.д. При этом вовлекаемые лица могут быть доведены до состояния осознанного совершения таких поступков, которые квалифицируются как противоправные деяния.

Моделирование вовлечения в деятельность радикальной организации. Асимметрия социальных

позиций особенно ощущается при рассмотрении таких дискурсивных практик, которые применяются агентами нелегальных организаций в отношении управляемой аудитории. В этом случае движущей силой вовлечения становится доминирование вовлекающей стороны, ее стремление сформировать последователей и лояльно настроенных лиц; само же вовлечение может стать предметом правового преследования, причем основаниями для его возбуждения служат соответствующие статьи уголовного кодекса.

Юридическая практика использования концепта «вовлечение», сложившаяся в России, указывает на то, что это не столько речевой, сколько социальный феномен. В российском криминальном законодательстве понятийным ядром категории вовлечения выступает идея о целенаправленной деятельности, ориентированной на формирование у объекта воздействия решимости или готовности участвовать в совершении общественно опасного деяния [24]. При этом не исключается, что формирование будущего члена доминирующей группы может быть реализовано и дискурсивным путем.

Разнообразие дискурсов вовлечения, используемых радикальной организацией, позволяет сформулировать ряд положений, которые учитываются нами при проведении критического исследования.

1. Вовлечение в деятельность радикальной организации – это социальный фрейм, аккумулирующий вокруг себя сумму представлений о структуре и системе знаний, необходимую для определения, усвоения и применения доктрины сообщества, а также для отбора и воспроизводства дискурсивных способов ее реализации.

2. Вовлечение, как спланированный процесс, постепенно, т.е. проходит через ряд стадий.

3. Вовлечение ситуативно, т.е. зависит от общего социального, культурного, религиозного контекста, от группы, положения ее членов, их ролей, от форматов коммуникации, форм общения и некоторых других обстоятельств.

4. Вовлечение – не одноразовая акция, а то, как обычно поступают члены организации, обеспечивая постоянство и жизнеспособность объединения.

С учетом выдвинутых положений в модели вовлечения можно выделить несколько уровней (слотов) представления исследуемой дискурсивной практики.

Особенности социокоммуникативного контекста. Вовлечение зависит от некоторого множества «внешних» параметров, в частности от программы, идеологии, устройства, правового статуса сообщества, его типа с точки зрения отношения к членству в группе, его сознательного подхода к культивированию и применению технологий расположения, склонения, вербовки и агитации.

С этих позиций организация «Хизб ут-Тахрир аль-Ислами» – это такой агент вовлечения, деятельность которого в России запрещена из-за пропаганды радикальной идеологии через обращение к идеям ислама; об этой организации см., например, в: [25–27]. Основная цель партии – возвращение былого господства ислама через возрождение халифата, а долг каждого мусульманина – работа по возрождению этого госу-

дарства, которое несло бы послание ислама всему миру. В соответствии с ее доктриной эту задачу следует начинать с проведения исламского призыва с целью возрождения исламского образа жизни во всех мусульманских странах. Вместе с тем планы «Хизб ут-Тахрир аль-Ислами» имеют большой масштаб, поскольку халифат представляется скорее в виде транснационального государства, границы которого выходят за пределы стран с традиционно исламским вероисповеданием. Для построения халифата основателями партии была предложена стратегия трех этапов: на первом этапе партия вербует членов, вовлекая их в интеллектуальный и политический диалог; на втором этапе она работает для закрепления ислама в жизни государства и общества, привлекая на свою сторону представителей власти; на третьем этапе она претворяет ислам посредством создания халифата [27. С. 318]. Согласно исследованию Гудзоновского института, по прошествии более полувека планы организации не изменились, однако ее функционирование очень сильно зависит от региональных условий [28. С. 1–2]. Так, в России, где организация «Хизб ут-Тахрир аль-Ислами» запрещена, а члены преследуются по закону, ее деятельность, по-видимому, не продвинулась дальше начального этапа, поэтому основные усилия данного сообщества направлены на объединение людей вокруг своей идеологии. В этом плане одна из основных обязанностей членов организации – несение призыва – репрезентируется арабизмом *дагват*, имеющим отношение к истории ислама и традиционно обозначающим пропаганду данной религии [29. С. 111–112]. При попадании в дискурс радикальной организации это слово реконтекстуализуется и приобретает более узкий смысл: *делать дагват* означает ‘вовлечь в организацию на основе призыва либо принять ислам, либо соблюдать законы ислама’.

Стадии реализации инклюзивного воздействия. Вовлечение в деятельность радикальной организации требует контроля активности аудитории и характеризуется постепенностью своего воплощения, переходом от стадии включения в сообщество к стадиям, предполагающим личную инициативу его членов (т.е. самововлечение). Таким образом, вовлечение как процесс изменения состояний и установок вовлекаемых лиц может быть описано либо с точки зрения присвоения и применения объектами вовлечения идеологии организации [30], либо с позиции взаимодействия организации с обществом как реальным и потенциальным источником единомышленников, новых адептов и стейкхолдеров.

В последнем случае речевое вовлечение представляет собой процесс несимметричного взаимодействия ин-группы с аут-группой и складывается из этапов:

(1) формирования сообщества, (2) совместного совершения деятельности членами сообщества, имеющими разную степень вовлеченности, (3) совместного созидания образа организации, в том числе и за счет лояльно настроенных лиц, (4) выхода на более широкую аудиторию.

Дискурсивный строй. Описание дискурсивного строя практики вовлечения в деятельность нелегальной организации осуществляется в ходе рассмотрения и оценки выбора их участниками (1) фактур общения (устной / письменной / цифровой, непосредственной / опосредованной, реальной / виртуальной коммуникации) > (2) жанровых форм > (3) средств их реализации. При этом коммуникативно-семиотические механизмы кодирования инклюзивной интенции демонстрируют такую иерархическую организацию актов общения, за счет которой речевые стратегии вовлечателя и вовлекаемого обеспечиваются совокупностью конститутивных элементов: пассажами, текстовыми макростратегиями, локальными речевыми актами, локальными значениями и передающими их лексическими единицами, грамматическими формами и средствами локального синтаксиса, явлениями внутри- и межсловной деривации и т.д.

«Нулевая трансформация» прецедентного феномена как предмет критического исследования. С позиции предлагаемой модели вовлечения рассмотрим явление «нулевой транспозиции» как явления «нового прочтения» в контексте заимствующей дискурсивной практики формально неизменного прецедентного феномена [5. С. 127], что репрезентируется системой лексико-семантических вариантов слова *зиярат*.

Следует особо отметить, что решение о реконтекстуализации исследуемого элемента *зиярат* (из-за его отсутствия в глоссариях, представляющих терминосистему радикальных исламистских идеологий; например, в: [26. С. 164; 31. С. 75]) принималось на основе сопоставления актуализованного в дискурсах смысла с толкованием концепта *зиярат*, данным в источниках, отражающих официальную доктрину ислама. В частности, учитывалась информация из энциклопедического словаря «Ислам» [29. С. 77, 151].

Согласно данным этого словаря, *зияра*, *зиярат* – это концепт, описывающий паломничество к могилам пророков, святых, шиитских имамов, а в Северной Африке – к живым суфийским шейхам; кроме того, он подразумевает еще и посещение мест захоронения человека [Там же]. Контексты словоупотребления арабизма *зиярат* и его огласовок указывают на трансформацию исходного значения, реконтекстуализацию единицы при переходе из сугубо религиозной сферы в идеолого-религиозную (рис. 1).

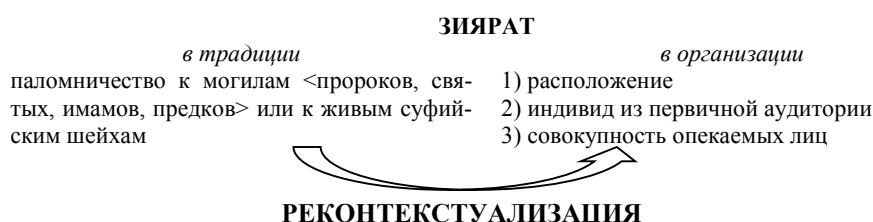

Рис. 1. Переосмысление религиозного термина *зиярат*

По корпусу наиболее информативных употреблений можно понять, что у единицы *зиярат* актуализуется несколько значений, противопоставленных по признаку *отвлеченности-конкретности-собирательности*, а именно:

– *зиярат*₁ ‘процесс работы с первичной аудиторией; расположение’: *Главное/ дагват делать целый день// Не так/ что там на улице с кем-то стоял/ пару слов кинул// Я вижу/ что зиярат либо со своим/ либо с братьями всеми по-любому надо сделать//;*

– *зиярат*₂ ‘индивид из первичной аудитории, подвергаемый целенаправленному вовлечению в организацию’: *С этим общаешься/ с этим общаешься/ с этим/ с этим/ с этим// Общаешься// И в итоге/ пару зияратов нормально выходит//;*

– *зиярат*₃ ‘совокупность лиц – тех, кого опекает человек, осуществляющий вовлечение в организацию’: *Вот Айрата/ можно из дзиярата не планировать пока// Потому что/ во-первых/ ему надо доступно донести наилучшим образом ислам/ как исполнять// И если начнет исполнять// А потом видно будет//.*

Актуализованные значения, демонстрируемые фрагментами из дискурса *халакатов*, подтверждаются также подкорпусом дискурсов *амали*.

Таким образом, приведенные контексты употребления единицы *зиярат* позволяют сделать следующие выводы об особенностях вовлечения, свойственного «Хизб ут-Тахрир аль-Ислами».

1. Семантическое изменение исходного элемента можно квалифицировать как один из частных случаев реконтекстуализации – нулевую транспозицию, представляющую собой переход религиозного термина в разряд выражения, используемого социально обособленной группой в своих целях.

Данный семиотический переход имеет прямое отношение к репрезентации доминантной манеры вовлечения. Асимметричность интерперсональных отношений усматривается в том, что:

(а) в реконтекстуализированной номинации, в отличие от ее источника, акцентированными оказываются именно деятельность и лица, на которые эта деятельность направлена (т.е. прецедентный феномен индексирует отдельные составляющие начальной стадии вовлечения, имеющие отношение к вербовке первичной аудитории);

(б) подменяя традиционный смысл религиозного термина, инициаторы обучения ограничивают у адресатов горизонты восприятия доктрины ислама, попутно формируя круг посвященных, по речи которых можно установить степень принадлежности к сообществу.

2. Многозначность элемента *зиярат* развивается по пути концептуализации прецедентным феноменом самой ситуации работы членов сообщества с первичной аудиторией. В то же время многозначность употребления снимается ближайшим вербальным контекстом (предложением или словосочетанием). В таких случаях неравноправие сторон вовлекающей интеракции, воспроизводимое руководителем халаката, а также другими инициаторами воздействия (например, авторами изучаемых на халакате брошюр), репрезентируется:

(а) через императивное подчеркивание действий, вменяемых в обязанность членам организации: *...зиярат₁ либо со своим/ либо с братьями всеми по-любому надо сделать//;*

(б) через отношение к ним как к: объектам целенаправленного воздействия (*...я зиярату₂ звоню; ...джарату₂ ты говоришь/ надо читать нормально намаз*), результатам приложенных усилий (*И в итоге/ пару зияратов₂ нормально выходит//*), носителям состояний, контролируемых извне (*Зиярат₂ / это тот человек/ который готов слушать тебя//*), объектам владения (*Ну так планируешь/ что один у тебя с работы зиярат//;* *У нас раньше/ тридцать было зияратов₂//*), контролируемому извне ресурсу (*Вот Айрата/ можно из дзиярата₃ не планировать пока//;* *Поэтому вначале/ лучше зиярат₃ искать среди знакомых//*);

(в) через приписывание вовлекаемым негативных поступков (*...я зиярату₂ звоню/ не получилось/ обламывают/ обламывают//*);

(г) через изображение членов организации в качестве субъектов целенаправленного воздействия или же в качестве тех, кто владеет вовлекаемыми (*Один у тебя с работы зиярат₂//;* *У нас раньше/ тридцать было зияратов₂//*).

Таким образом, представления о характере взаимодействия демонстрируют особенности иерархии, установленной в организации. В ней наделенность властью тесно связана с активностью и директивностью агента, с его правом владеть и распоряжаться человеческими ресурсами, а также с его способностью целенаправленно создавать события *зиярата*. Отсутствие власти коррелирует с пассивностью контрагента.

3. Употребление прецедентного феномена *зиярат* в коммуникативных актах служит дополнительным аргументом в пользу отношений доминирования. Приведенный выше корпус текстовых фрагментов из дискурса халакатов указывает нам на то, что в качестве ведущих способов реализации власти выступают инструктирующие и объяснительные пассажи. Иными словами, налицо как раз такие формы речевого воздействия, с помощью которых, с одной стороны, осуществляется управление поведением адресата, призванного осуществлять *зиярат*, а с другой – формирование у собеседника определенного ценностного отношения к неосвоенному организацией социуму, рассматриваемому в качестве ресурса для пополнения ее рядов.

4. Использование прецедентного феномена *зиярат* отсылает к программным установкам «Хизб ут-Тахрир аль-Ислами», в свете которых построение халифата невозможно без формирования постоянно пополняемого сообщества. Однако статус нелегальности накладывает определенный отпечаток на отношение сообщества к одному из традиционных терминов ислама. В ходе регулярных обучающих интеракций он используется как средство манипуляции сознанием, через которое добиваются исполнения необходимых поступков, касающихся вербовки первичной аудитории. Суть такой манипуляции состоит в проведении через каноничную языковую оболочку термина со-

вершено иного смысла, ограничивающего восприятие доктрины ислама идеологией радикально настроенного сообщества.

Заключение. Понимание речевого вовлечения как комплексного – социального, когнитивного и собственно дискурсивного – феномена позволило обратить внимание на отдельные стороны деятельности «Хизб ут-Тахрир аль-Ислами». Исследование подтвердило зависимость функционирования сообщества от региональных условий, в которые оно поставлено. Находясь в России под запретом, организация «Хизб ут-Тахрир аль-Ислами» вынуждена сосредоточивать усилия на первоначальном этапе построения халифата, т.е. на этапе дагвата (агитации, включающей в себя элементы вовлечения). Дополнительным аргументом в пользу ее установки на расширение влияния служит активное использование в обучающих и мотивирующих практиках концепта *зиярат* (расположение, вовлечение первичной аудитории) как самостоятельной идеологической категории.

Применение критической методологии исследования помогло эксплицировать манеру вовлечения, свойственную изучаемой радикальной организации. На стадии совместного совершения деятельности (в частности, на халакате) носители доктрины придерживаются в большей степени манипулятивной стратегии, базирующейся на неявной подмене традиционного исламского термина его суррогатом. В этом плане реконтекстуализация одного из понятий ислама – понятия *зиярат* – показывает, что за его семантическим видоизменением стоит скрытая попытка доминирующей группы сформировать идеологически окрашенное представление об исламе. Поэтому закономерно предположить, что активное использование любых других арабизмов в дискурсе организации может поддерживаться преобразованием по принципу «нулевой транспозиции», а потому требует внимательного отношения со стороны интерпретатора.

Представленный анализ доказывает важность учета прецедентности при проведении критического дискурсивного исследования, поскольку благодаря ему переосмысление заимствуемых элементов в контексте заимствующих дискурсивных практик рассматривается с позиции контролирующего социального субъекта, в задачу которого входит институционализация, а следовательно, и признание (легитимация) в глазах (со)общества.

Поиск нелегальными группами «точек доступа» для общения с аудиторией приводит к расширению того инструментария, который используется с целью установления общественного контроля. В этом плане прецедентность не стала исключением. С одной стороны, многообразие ее проявлений – следствие смещения нескольких дискурсивных практик (деятельность исследуемой радикальной организации показывает, что в рамках ее идеологического дискурса соединяются и сосуществуют религиозный, дидактический, экономический, политический, маркетинговый и др. дискурсы). На увеличение прецедентных феноменов, их разновидностей и механизмов переосмысления также оказывает влияние тенденция к усилению (соци)медиатизации, за счет которой контролирующий субъект адаптирует свою дискурсивную практику к тем возможностям, которые имеют современные СМИ и социальные сети для продвижения разнообразного (в том числе и гетерогенно организованного) контента, контроля за его распространением, получения обратной связи от аудитории. Поэтому особый статус приобретают те критические исследования, которые обращают внимание на функционирование прецедентных феноменов, осложняющих поликодовые и мультимодальные тексты. Усматриваемый за этими текстами усиленный воздействующий эффект [32, 33] нуждается в дополнительной проверке не только посредством мониторинга состояния их просмотров, но и экспериментальным путем.

ЛИТЕРАТУРА

1. Катышев П.А., Кильдибекова Б.Е. Вовлечение с позиции риторической критики // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. № 4 (64), т. 4. С. 89–96.
2. Baran Z. Fighting the war of ideas // Foreign Affairs. 2005. № 84 (6). P. 68–78.
3. Олсон М. Логика коллективных действий. Общественные блага и теория групп. М. : Фонд экономической инициативы, 1995. 165 с.
4. Linell P. Discourse across boundaries: On recontextualizations and the blending of voices in professional discourse // Text. 1998. № 18 (2). P. 143–157.
5. Высоцкая И.В. Спорные вопросы теории прецедентности // Критика и семиотика. 2013. № 1 (18). С. 117–137.
6. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М. : Наука, 1987. 264 с.
7. Bernstein B. Pedagogy, symbolic control and identity: Theory, research, critique. Lanham: Rowman & Littlefield, 1996. 256 p.
8. Linell P. Rethinking language, mind, and world dialogically: Interactional and contextual theories of human sense-making. Charlotte, NC : Information Age Publishing, 2009. 482 p.
9. Richardson J.E., Wodak R. Recontextualising fascist ideologies of the past: Right-wing discourses on employment and nativism in Austria and the United Kingdom // Critical Discourse Studies. 2009. № 6 (4). P. 251–267.
10. Bauman R., Briggs C.L. Poetics and performance as critical perspectives on language and social life // Annual Review of Anthropology. 1990. № 19. P. 59–88.
11. Oddo J. Precontextualization and the rhetoric of futurity: Foretelling Colin Powell's UN address on NBC News // Discourse and Communication. 2013. № 7 (1). P. 25–53.
12. Hodges A. The politics of recontextualization: Discursive competition over claims of Iranian involvement in Iraq // Discourse & Society. 2008. № 19 (4). P. 483–505.
13. Semino E. et al. Metaphor, Genre, and Recontextualization // Metaphor and Symbol. 2013. № 28 (1). P. 41–59.
14. Смолененкова В.В. Основы риторической критики. М., 2018. 192 с.
15. Fairclough N.L., Wodak R. Critical discourse analysis // Discourse as Social Interaction / ed. by T.A. van Dijk. London : SAGE, 1997. P. 258–284.
16. Krzyżanowski M. Recontextualisation of neoliberalism and the increasingly conceptual nature of discourse: Challenges for critical discourse studies // Discourse & Society. 2016. № 27 (3). P. 308–321.
17. Дейк Т.А. ван. Дискурс и власть. Репрезентация доминирования в языке и коммуникации. М. : ЛИБРОКОМ, 2013. 344 с.
18. Bhatia V.K. Critical genre analysis: theoretical preliminaries // Hermes – Journal of Language and Communication in Business. 2015. № 54. P. 9–20.
19. Gumperz J.J. Discourse Strategies. Cambridge : Cambridge University Press, 1982. 225 p.

20. Chafe W.L. Integration and involvement in speaking, writing, and oral literature // *Spoken and Written Language: Exploring Orality and Literacy* / ed. by D. Tannen. Norwood : Ablex, 1982. P. 35–53.
21. Chafe W., Danielewicz J. Properties of spoken and written language // *Comprehending Oral and Written Language* / ed. by R. Horowitz, F.J. Samuels. N.Y. : Academic Press, 1987. P. 83–113.
22. Tannen D. *Talking Voices: Repetition, Dialogue, and Imagery in Conversational Discourse*. Cambridge : Cambridge University Press, 2007. X. 223 p.
23. Besnier N. Involvement in linguistic practice: An ethnographic appraisal // *Journal of Pragmatics*. 1994. № 22. P. 279–299.
24. Селиванова М.А. К вопросу о понятии вовлечения несовершеннолетних в совершение преступлений // *Известия Байкальского государственного университета*. 2010. № 2 (70). С. 146–149.
25. Ахмадуллин А.С. Идеология «Хизб ут-Тахрир аль-Ислами» – угроза основам конституционного строя и безопасности России // *Правовое государство: проблемы понимания и реализации*. Уфа : Башкирский государственный университет, 2015. Т. 1. С. 135–141.
26. Ahmed H., Stuart H. *Hizb ut-Tahrir: Ideology and Strategy*. London : The Centre for Social Cohesion, 2009. 167 p.
27. Karagiannis E., McCauley C. Hizb ut-Tahrir al-Islami: Evaluating the threat posed by a radical Islamic group that remains nonviolent terrorism and political violence // *Terrorism and Political Violence*. 2006. № 18 (2). P. 315–334.
28. Whine M. Is Hizb ut-Tahrir Changing Strategy or Tactics? Center for Eurasian Policy Occasional Research I(1). Washington, DC : Hudson Institute, 2006. 11 p.
29. Ислам : энциклопедия. М. : Наука, 1991. 315 с.
30. Хазимуллина Е.Е. Механизм речевого вовлечения в деятельность экстремистских организаций // *Acta linguistica petropolitana. Труды института лингвистических исследований РАН*. 2016. Т. XII, ч. 3. С. 453–469.
31. Musawi M.A. *Cheering for Osama: How Jihadists Use Internet Discussion Forums*. London : Quilliam, 2010. 80 p.
32. Мардиева Л.А. Коды визуального поведения и ассоциированные с ними смыслы // *Филологические науки. Вопросы теории и практики*. 2014. № 3 (33): в 2 ч. Ч. 1. С. 126–130.
33. Filardo-Llamas L. Re-contextualizing political discourse // *Critical Discourse Studies*. 2015. № 12:3. P. 279–296.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 20 ноября 2018 г.

Speech Involvement in the Activity of a Radical Community: A Critical Discursive Study of Precedence

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2019, 441, 19–26.

DOI: 10.17223/15617793/441/3

Pavel A. Katyshev, Pushkin State Russian Language Institute (Moscow, Russian Federation). E-mail: katpa@rambler.ru

Mikhail A. Osadchiy, Pushkin State Russian Language Institute (Moscow, Russian Federation). E-mail: MAOsadchiy@pushkin.institute

Keywords: critical discourse studies; speech involvement; extremism; precedent phenomena; recontextualization.

The article substantiates a critical approach to the study of speech involvement in the activities of a radical organization (evidence from “Hizb ut-Tahrir al-Islami”). On the example of the precedent phenomenon “ziyarat” as a means of control over society, the dependence of the use of language means on the features of the general context, the stage of inclusive impact and the form of involving interaction is shown. It is revealed that behind the rethinking of the terminology of traditional Islam there is a hidden intention to form an ideologically colored idea of religion in the audience. The analyzed contexts of the use of the “ziyarat” unit allow the authors to draw the following conclusions about the features of involvement peculiar to “Hizb ut-Tahrir al-Islami”. (1) The semantic change of the initial element “ziyarat” can be qualified as one of the special cases of recontextualization – zero transposition, which is the transition of a religious term to the category of expression used by a socially separate group for its own purposes. (2) The polysemy of the “ziyarat” element develops along the path of conceptualizing the semantic derivation of the very situation of the work of members of the community with the primary audience. The ideas of the nature of the interaction, given the tone of the requirements to the addressee, as well as the means of designation of the primary audience, demonstrate the features of the hierarchy established in the organization. In it, authority is closely connected with the activity and directive of the agent, with his right to own and dispose of human resources, as well as his ability to purposefully create the events of *ziyarat*. The lack of power correlates with the passivity of the counterparty. (3) The use of the “ziyarat” item in communicative acts serves as an additional argument in favor of relations of domination. Instructing and explanatory passages serve as the leading means of realizing power. It is precisely such forms of speech influence with which, on the one hand, the behavior of the addressee, designed to carry out the *ziyarat*, is controlled, and, on the other hand, a certain value attitude to the undeveloped society by the organization, considered as a resource for replenishing its ranks, is formed. (4) The use of the “ziyarat” unit as a precedent phenomenon refers to the program settings of “Hizb ut-Tahrir al-Islami”, in the light of which the construction of the caliphate is impossible without the formation of an ever-replenishing community. The status of illegality leaves a certain imprint on the attitude of the community to one of the traditional terms of Islam. In the course of regular learning interactions, it is used as a means of manipulating the consciousness, through which the necessary acts for recruiting the primary audience are sought. The essence of such manipulation consists in carrying through the language the shell of a term of a completely different meaning limiting the perception of the doctrine of Islam by the ideology of a radicalized community.

REFERENCES

1. Katyshev, P.A. & Kil'dibekova, B.E. (2015) Involvement from the standpoint of rhetorical criticism. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of Kemerovo State University*. 4 (64):4. pp. 89–96. (In Russian). DOI: 10.21603/2078-8975-2015-4-89-96
2. Baran, Z. (2005) Fighting the war of ideas. *Foreign Affairs*. 84 (6). pp. 68–78. DOI: 10.2307/20031777
3. Olson, M. (1995) *Logika kolektivnykh deystviy. Obshchestvennye blaga i teoriya grupp* [Logic of Collective Action: Public Goods and the Theory of Groups]. Translated from English. Moscow: Fond ekonomicheskoy initsiativy.
4. Linell, P. (1998) Discourse across boundaries: On recontextualizations and the blending of voices in professional discourse. *Text*. 18 (2). pp. 143–157.
5. Vysotskaya, I.V. (2013) The controversial questions of the theory of precedent. *Kritika i semiotika – Critique and Semiotics*. 1 (18). pp. 117–137. (In Russian).
6. Karaulov, Yu.N. (1987) *Russkiy yazyk i yazykovaya lichnost'* [Russian language and language personality]. Moscow: Nauka.
7. Bernstein, B. (1996) *Pedagogy, symbolic control and identity: Theory, research, critique*. Lanham: Rowman & Littlefield.
8. Linell, P. (2009) *Rethinking language, mind, and world dialogically: Interactional and contextual theories of human sense-making*. Charlotte, NC: Information Age Publishing.

9. Richardson, J.E. & Wodak, R. (2009) Recontextualising fascist ideologies of the past: Right-wing discourses on employment and nativism in Austria and the United Kingdom. *Critical Discourse Studies*. 6 (4). pp. 251–267. DOI: 10.1080/17405900903180996
10. Bauman, R. & Briggs, C.L. (1990) Poetics and performance as critical perspectives on language and social life. *Annual Review of Anthropology*. 19. pp. 59–88.
11. Oddo, J. (2013) Precontextualization and the rhetoric of futurity: Foretelling Colin Powell's UN address on NBC News. *Discourse and Communication*. 7 (1). pp. 25–53. DOI: 10.1177/1750481312466480
12. Hodges, A. (2008) The politics of recontextualization: Discursive competition over claims of Iranian involvement in Iraq. *Discourse & Society*. 19 (4). pp. 483–505. DOI: 10.1177/0957926508089940
13. Semino, E. et al. (2013) Metaphor, Genre, and Recontextualization. *Metaphor and Symbol*. 28 (1). pp. 41–59. DOI: 10.1080/10926488.2013.742842
14. Smolenenkova, V.V. (2018) *Osnovy ritoricheskoy kritiki* [Fundamentals of rhetorical criticism]. Moscow: Infra-M, Forum.
15. Fairclough, N.L. & Wodak, R. (1997) Critical discourse analysis. In: Dijk, T.A. van. (ed.) *Discourse as Social Interaction*. London: SAGE.
16. Krzyzanowski, M. (2016) Recontextualisation of neoliberalism and the increasingly conceptual nature of discourse: Challenges for critical discourse studies. *Discourse & Society*. 27 (3). pp. 308–321. DOI: 10.1177/0957926516630901
17. Dijk, T.A. van. (2013) *Diskurs i vlast'. Reprezentatsiya dominirovaniya v yazyke i kommunikatsii* [Discourse and power. Representation of dominance in language and communication]. Translated from English by E.A. Kozhemyakin, E.V. Pereverzev, A.M. Amatorov. Moscow: LIBROKOM.
18. Bhatia, V.K. (2015) Critical genre analysis: theoretical preliminaries. *Hermes – Journal of Language and Communication in Business*. 54. pp. 9–20. DOI: 10.7146/hjlc.v27i54.22944
19. Gumperz, J.J. (1982) *Discourse Strategies*. Cambridge: Cambridge University Press.
20. Chafe, W.L. (1982) Integration and involvement in speaking, writing, and oral literature. In: Tannen, D. (ed.) *Spoken and Written Language: Exploring Orality and Literacy*. Norwood: Ablex.
21. Chafe, W. & Danielewicz, J. (1987) Properties of spoken and written language. In: Horowitz, R. & Samuels, F.J. (eds) *Comprehending Oral and Written Language*. N.Y.: Academic Press.
22. Tannen, D. (2007) *Talking Voices: Repetition, Dialogue, and Imagery in Conversational Discourse*. Cambridge: Cambridge University Press.
23. Besnier, N. (1994) Involvement in linguistic practice: An ethnographic appraisal. *Journal of Pragmatics*. 22. pp. 279–299.
24. Selivanova, M.A. (2010) About the term of juvenile involvement in the commission of crime. *Izvestiya Baykal'skogo gosudarstvennogo universiteta – Bulletin of Baikal State University*. 2 (70). pp. 146–149.
25. Akhmadullin, A.S. (2015) [Hizb ut-Tahrir al-Islami ideology as a threat to the fundamentals of the constitutional system and security of Russia]. *Pravovoe gosudarstvo: problemy ponimaniya i realizatsii* [Legal state: problems of understanding and implementation]. Proceedings of the International Conference. Vol. 1. Ufa: Bashkir State University. pp. 135–141. (In Russian).
26. Ahmed, H. & Stuart, H. (2009) *Hizb ut-Tahrir: Ideology and Strategy*. London: The Centre for Social Cohesion.
27. Karagiannis, E. & McCauley, C. (2006) Hizb ut-Tahrir al-Islami: Evaluating the threat posed by a radical islamic group that remains nonviolent terrorism and political violence. *Terrorism and Political Violence*. 18 (2). pp. 315–334. DOI: 10.1080/09546550600570168
28. Whine, M. (2006) *Is Hizb ut-Tahrir Changing Strategy or Tactics?* Washington, DC: Hudson Institute.
29. Petrosyan, M.B. et al. (1991) *Islam: entsiklopediya* [Islam: Encyclopedia]. Moscow: Nauka.
30. Khazimullina, E.E. (2016) Mekhanizm revevogo vovlecheniya v deyatel'nost' ekstremistskikh organizatsiy [The mechanism of speech involvement in the activities of extremist organizations]. *Acta linguistica petropolitana. Trudy instituta lingvisticheskikh issledovaniy RAN*. XII (3). pp. 453–469.
31. Musawi, M.A. (2010) *Cheering for Osama: How Jihadists Use Internet Discussion Forums*. London: Quilliam.
32. Mardieva, L.A. (2014) Visual behavior codes and meanings associated with them: Problem setting. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki – Philological Sciences. Issues of Theory and Practice*. 3 (33):1. pp. 126–130. (In Russian).
33. Filardo-Llamas, L. (2015) Re-contextualizing political discourse. *Critical Discourse Studies*. 12:3. pp. 279–296. DOI: 10.1080/17405904.2015.1013478

Received: 20 November 2018